

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НАУКИ

В.И. Коннов

Тема «наука и этика» допускает множество различных подходов и точек зрения. Если говорить о взглядах А. Ф. Шишкина, то он проводил достаточно чёткую границу между этической и научной системами, но при этом, конечно, уделял внимание их взаимодействию. В рамках этой картины наука создаёт истины, которые не могут игнорироваться этикой, а этика, в свою очередь, направляет научный поиск, определяя его главные, можно сказать, стратегические цели. Здесь важно подчеркнуть, что он писал о направлении науки именно путём определения целей, а не путём запретов. Современное же понимание «научной этики» ассоциируется главным образом с ограничениями, то есть с перечнем недопустимых для науки методов и тем. В этом понимании научная этика применяется этическими комитетами, широко распространёнными в исследовательских центрах США и Европы. Надо уточнить, что, конечно же, речь не идёт о буквальном запрете исследований. Основной инструмент – это финансирование, в котором может быть отказано, если работа учёного расценена как неэтичная. Именно этот механизм был применён в широко известном ограничении на исследования с использованием стволовых клеток человека, введенном американским президентом Джорджем Бушем в 2001 г.

Надо сказать, что сами учёные в целом негативно относятся к обеим версиям этического контроля – и к направляющей, и к ограничивающей. Большинство из них считает, что

признание необходимости направлять науку на общественно одобряемые, этические цели неизбежно влечёт за собой признание права государства попросту управлять научными исследованиями. Когда же бюрократический аппарат уполномочен осуществлять пусть даже самый общий контроль над научной работой, рано или поздно он вторгается в её содержание. А это уже грозит прямым ущербом науке, так как даже самый компетентный бюрократ по определению не способен адекватно оценить содержание передовых научных исследований. Понять их смысл и методы могут только люди, за плечами у которых долгие годы специального образования и научной работы. Это, собственно, и служит основанием автономии научного сообщества в выборе исследовательских методов и тем. В качестве примера того, какими последствиями может обернуться политическое вмешательство в эти вопросы, чаще всего приводят случай Трофима Лысенко. Именно благодаря мощной политической поддержке, его неподтверждённые подходы были объявлены верными, и сделано это было вопреки возражениям группы авторитетных биологов во главе с Николаем Вавиловым.

На сегодняшний день можно сказать, что учёные в общем-то добились того, что политическое вмешательство во внутренние вопросы науки признаётся недопустимым. Это, однако, не означает, что в обмен они готовы спокойно согласиться с ограничительным этическим контролем. В частности, упомянутое уже ре-

Коннов Владимир Иванович – к. социол. н., доцент, заместитель заведующего кафедрой философии МГИМО(У) МИД России

шение Джорджа Буша было встречено бурным протестом со стороны научных кругов и в 2009 году отменено нынешним американским президентом. Что же касается этических комитетов, то в их адрес постоянно идёт поток претензий, вплоть до сравнения со священной инквизицией. Это, наверное, чрезмерно, но иногда они действительно принимают причудливые решения. Например, в США коллективу психологов было отказано в одобрении эксперимента по той причине, что он был скучным, и эта скука причинила бы моральные страдания его участникам. В другом случае в качестве моральных страданий было расценено то, что эксперимент предполагал участие в игре и часть участников могла оказаться в роли проигравших, что отрицательно сказалось бы на их самооценке.

Однако, если признать все варианты этического контроля контрпродуктивными, то возникает вопрос, как же тогда препятствовать злоупотреблениям со стороны самих учёных. Возможность таких злоупотреблений заложена в том же обстоятельстве, которое позволяет им требовать автономии. Это непонятность научной деятельности для большинства людей. В ответ на подобные опасения представители научного сообщества, как правило, указывают на внутреннюю систему контроля. Наиболее цельное описание этой системы предложил в свое время социолог Роберт Мертон. Дело в том, что наука обладает принципиальным отличием от других профессий, которые также располагают комплексом недоступных широкой публике знаний. Если, к примеру, медики, юристы или инженеры имеют дело главным образом с дилетантами, обратившимися к ним за помощью, то учёные работают преимущественно в окружении своих коллег-специалистов, а с широкой публикой взаимодействуют гораздо реже. Таким образом, любое содержательное заявление учёного подвергается тщательной проверке со стороны его коллег. Происходит это в ходе экспертизы заявок на финансирование, рецензирования статей, защиты диссертаций и т.д.

Нормы же, на соблюдение которых нацелен данный контроль, задаются тем, что учёные, как и любая другая профессиональная группа, заинтересована прежде всего в самосохранении. Учитывая же, что их деятельность не может быть самоокупаемой, они прямо зависят от финансовой поддержки государства. В обмен на эту поддержку научное сообщество обеспечивает приток новых знаний. Большая часть из них не имеет экономической ценности, а поиск той части, которая имеет, в принципе, не входит в компетенцию учёных. И единственное, за что научное сообщество несет ответственность, это их достоверность. И, собственно, эта ответственность превращает достоверность в фундамент системы норм, регулирующих деятельность учёных. Мертон называл четыре такие нормы – универсализм, коллективизм,

бескорыстность и организованный скептицизм. Универсализм запрещает при оценке научного утверждения принимать во внимание характеристики его автора – пол, национальность, возраст и т.п. Коллективизм исключает возможность присвоения научного знания – всё оно рассматривается как общечеловеческое достояние. Речь, конечно, идёт исключительно о фундаментальной науке, а не о технологиях. В свою очередь, норма бескорыстности запрещает учёным приспособливать свою деятельность к целям личной выгоды. В максималистской форме это означает, что любая связь между научным результатом и выгодой ставит под сомнение объективность автора, а значит и достоверность самого результата. И наконец, организованный скептицизм требует коллективного анализа любого научного утверждения и исключает возможность веры, что называется, на слово.

Надо сказать, что на представлениях о таком саморегулировании была построена американская система финансовой поддержки науки, ставшая к концу прошлого века образцом практически для всех стран. Однако лежащее в её основе убеждение, что получение достоверных знаний является самодостаточной целью для учёных, вовсе не так уж самоочевидно. К примеру, с точки зрения марксистской философии – это всего лишь идеологическая уловка, смысл которой – придать видимость независимости и объективности взглядам учёных и тем самым расширить доступные им возможности влияния. При этом сами учёные также далеко не всегда согласны с тем, что ими движет исключительно стремление к достоверности. Если мы говорим о российских исследователях, то, как показывают опросы, в большинстве своём они вовсе не склонны считать фундаментальную науку поиском истины ради самой истины. Чаще она расценивается как этап научного предприятия, результаты которого действительно на данный момент не имеют практического применения, однако могут найти таковое в будущем, возможно, и очень отдалённом. И нормальным считается, когда учёный сам принимает во внимание практические перспективы своей работы. А исследователь, абсолютно оторванный от реальных проблем, чаще оценивается как, возможно и талантливый, но все же маргинал.

В этих представлениях можно рассмотреть традиционную антипозитивистскую линию, хорошо прослеживаемую в отечественной философии и гуманитарной науке. Можно привести длинный ряд имён её представителей, но наиболее показательным будет пример П.А. Сорокина. Суть его взглядов заключалась в том, что подлинной ценностью обладает лишь так называемое интегральное знание, которое отвечает не только критериям истины, но также и критериям красоты и добра. Его пример особенно значим, потому что, во-первых, он был соци-

ологом, то есть представителем дисциплины, наиболее тесно связанной с позитивизмом. А во-вторых, оказавшись у истоков американской социологии, Сорокин, как известно, первым возглавил социологическую кафедру в Гарварде, – он не приобрёл последователей, не сумел создать собственной школы и к концу карьеры оказался вытеснен из американского социологического мейнстрима.

В принципе, и марксистскую философию, также не приемлющую позитивизм, можно рассматривать как продолжение той же самой линии. В идеях о том, что не бывает знания, не связанного с интересами, а наиболее близко к истине стоит знание, отвечающее интересам самого многочисленного и в наибольшей степени страдающего класса, в общем-то можно увидеть продолжение всё той же русской гуманистической традиции. Существование этой традиции, конечно же, ни в коей мере не означает какой-то несовместимости российской науки с западной. Однако под влиянием этических представлений заимствование подходов к организации научной деятельности могут иметь неожиданные последствия. Здесь можно привести исторический пример. В США в послевоенный период ведущие учёные активно возражали против того, чтобы средства Национального научного фонда, созданного

специально для поддержки фундаментальной науки, могли направляться на прикладные исследования. Инновационная программа была учреждена только после того, как фонд обязали сделать это федеральным законом. В созданном же по американскому образцу Российском фонде фундаментальных исследований с самого начала предпринимались попытки выйти на прикладные темы. Для этого была даже придумана специальная категория ориентированных фундаментальных исследований. И в нашем случае, контролирующие органы, наоборот, выступали противником подобных инициатив. В 2004 г. они даже запретили проекты такого рода как нецелевое расходование средств.

Это лишь один из многих примеров того, как отличия в ценностных представлениях заставляют схожие институты вести себя различным образом. В сущности, они показывают: наука – это та область, где, казалось бы, абстрактные этические императивы имеют вполне конкретные последствия, а этические различия между культурами приобретают явные очертания.

*Konnov V.I.
On the question of ethic regulation of
science*